

Т. В. Глазкова

Личное как публичное

Понятия личного и публичного, их противопоставленности в культуре и случаях перехода границы, допуска посторонних в приватное пространство, для них не предназначенное, рассматриваются с позиций интереса художественных практик (литературы и кинематографа) к частной жизни человека. Анализируется проблема готовности творческой личности к постоянной публичности. Пограничность бытия личности «в кадре» и «за кадром» представлена через культурные практики, ставшие возможными благодаря развитию средств массовой коммуникации, одновременно расширяющих возможности самопрезентации, увеличивающих аудиторию, но также и переводящих реальную контактную коммуникацию в виртуальную и дистантную. Последнее создает иллюзию сохранения границ частной жизни человека при полной реальной невозможности для публикатора контролировать их сохранность.

Ключевые слова: личное, публичность, творческий человек, культурные практики, самопрезентация, публичное пространство, повседневность, семейные ситуации

Т. V. Glazkova

Personal as Public

The concept of the personal and the public things, their opposites in the culture and the occasions of crossing the border, the admission of foreign into the private space not intended for them, are considered from the standpoint of the interest of artistic practices (literature and cinema) to private human life. The article examines the problem of readiness of the creative person to constant publicity. Borderline of being a person «in the frame» and «behind the scenes» is presented through cultural practices, made possible by the development of mass communication means, at the same time expanding the possibilities of self-presentation, increase audience, but also transferring real contact communication into virtual and distant. The latter creates an illusion of preserving the boundaries of private life, though it is absolutely impossible for the publisher to monitor their safety.

Ключевые слова: personal, publicity, creative person, cultural practices, self-presentation, public space, daily occurrence, family situations

Экранные искусства и средства массовой коммуникации в разное время проявляли интерес к частной жизни человека едва ли не с момента его зачатия, не ограничивая этот интерес рамками жизни конкретного человека, который, зачастую против своей воли, становился объектом экранных репрезентаций. Экран сделал частную жизнь открытой и доступной постороннему взгляду и досужему толку. Но если посмертная героизация или пляски на костях не во власти ушедшего, то саморепрезентации в экранном пространстве – уже дело добровольное. Стремление к публичности собственной частной жизни, проявляемое обывателем, может, как представляется, иметь несколько побудительных причин – мотивов:

– концентрация на себе (нарциссизм), в связи с этим можно упомянуть селфи как разновидность нарциссизма;

– стремление доказать себе и другим, что ты ничуть не хуже окружающих, а напротив, – вполне соответствуешь «мировым стандартам» с

позиций обыденного сознания, позиция, которую можно сформулировать словами «я такой же, как все»;

– третий мотив обусловлен желанием «себя показать и других посмотреть» и связан с неуверенностью, робостью первых шагов в обществе, эта позиция нашла свое выражение в словах героини Льва Толстого: «Есть такие же, как мы, есть и лучше нас».

Человек творческий (публичный) использует в творчестве потенциал ситуаций, связанных с личной жизнью человека (в частности, с семьей), но также оказывается в роли самого себя, когда ему приходится принимать участие в публичных мероприятиях (например, в документальном кино, телепрограммах, творческих встречах со зрителями, читателями, слушателями). Во втором случае творческая личность вызывает интерес у публики только при успешности в профессии.

Личное как публичное может быть рассмотрено, по крайней мере, в двух ракурсах (оставим в стороне обращение к частной жизни публично-

го человека третьих лиц с целью его скандализации или компрометации):

- личное как документальное;
- личное как предмет художественной репрезентации.

В последнем случае нас интересует не только и не столько воплощение на экране личной жизни конкретного творческого человека, сколько использование пространства частной жизни и ее феноменов и атрибутов для создания кино вообще. Например, обращение к литературной первооснове.

Сама по себе литературная первооснова изначально ориентирована на нарратив. Сюжетная же организация этого нарратива часто обращена к повседневной жизни человека, его частной жизни, семье. Интерес искусства к повседневности объясняется «озабоченностью собственно человеческим» [4, с. 223], что, по мнению, Х. Ортеги-и-Гассета, необходимо публике, желающей видеть «привычную для нее историю Хуана и Марии» [4, с. 224].

Сколько бы ни продолжались в науке споры об искусстве для всех и искусстве для избранных, все в итоге сводится к «оптической проблеме» [4, с. 224]: одни видят только сад, другие, их меньше, и оконное стекло, за которым он расположен. Приводя этот пример, испанский мыслитель первой половины XX в. Х. Ортега-и-Гассет не был склонен принимать чью-то сторону, а лишь констатировал ситуацию. Понимая важность поиска новых форм в искусстве, а также художественности как неотъемлемой части произведения искусства, писатели XIX в. тем не менее первостепенное внимание уделяли аксиологии.

Помимо саморепрезентаций, чаще всего выстраивающих образ своего создателя средствами документалистики, что, по мнению самих репрезентаторов, видимо, должно создавать эффект подлинности показываемого, существует и обширный пласт собственно художественных репрезентаций – средствами различных искусств и в том числе, экранных.

Художественная культура неизменно проявляет интерес к репрезентации повседневных практик, в том числе к частной жизни человека как личности и индивидуальности, к его коммуникации в малой группе, какой является семья. Кино и телеэкран, в документальных, игровых и анимационных видах и жанрах, а позднее – интернет и телефония с нетипичными для себя экранными функциями разрабатывают сюжеты повседневности:

от поэтизации до «физиологического очерка», крайним проявлением которого можно назвать гиперреализм, проявившийся в средствах массовой коммуникации эпохи вседозволенности.

Современный исследователь художественной культуры В. И. Грачев указывает, что художественное произведение «в культурологическом понимании представляет собой сложную семантико-семиотическую систему, содержащую бесконечное число смыслов, актуализирующихся в информационно-аксиогенном пространстве художественной культуры. Являясь продуктами самосознания, художественные тексты выполняют функцию рефлексии жизни на уровне ее образов, смыслов, ценностей, норм и целей. Особенности и функции художественного текста определяют своеобразие его понимания: художественный текст содержит в себе не столько знание, сколько ценности, концентрирующиеся вокруг определенных идеалов» [2, с. 11].

В процитированной работе реализуется не только интерес современной науки о культуре к аксиологической проблематике в искусстве, но эта проблематика выделяется в качестве ведущей черты художественного произведения.

«В наши дни вряд ли возможно сыскать ситуацию, безусловно новую. Новой может быть разве что точка зрения да искусство ее изображения и обработки» [7, с. 597]. Преломление семейной темы различается именно точкой зрения авторов. Как справедливо пишет Е. Н. Шапинская, говоря о литературе, «роль литературного дискурса заключается в продуцировании «семантических шоков» [6, с. 6], требующих философского осмысления.

Экран же, как известно, все укрупняет.

Индивидуальная личностная «самость» становится основной формой социализации человека, и в этом процессе постоянно используется художественный потенциал семейных ситуаций. Символическое выражение новых тенденций развития социальных функций семьи получает хорошее отображение в кинематографе, ставшем в последние десятилетия основным инструментом культурной символизации. Причем обращает на себя внимание тот факт, что «семейная карта» разыгрывается как массовым кинематографом, делающим ставку на сериалы, преимущественно ситкомы – калки иностранных кинопродуктов («Счастливы вместе», «Моя прекрасная няня», «Папины дочки», «Универ» и т. п.), так и кинематографом авторским, расположен-

ным к показу психологических нюансов существования отдельной личности, представленной через взаимоотношения с близкими, которые детерминируют поведение конкретного героя (как в «Елене» и «Возвращении» А. Звягинцева, «Настройщике» К. Муратовой, «Отце и сыне» А. Сокурова).

Сложность прочтения классики заключается в том, что «слишком серьезное отношение к жизни воспринимается <...> как непреодолимое препятствие для художественного творчества и особенно для художественного восприятия» [5, с. 87] не только теми, кому адресованы русские сериалы, но и их создателями. Как показывают экранизации классических произведений, для преодоления названного препятствия эксплуатируются криминальная составляющая сюжета, а также сфера частной жизни персонажей.

Творческий человек должен быть готов к публичности во всех своих проявлениях, поскольку, создавая что-либо, рассчитывает на интерес публики к своему созданию, если понимает, что для культуры разделенность впечатления так же обязательна, как неразделенность допустима для искусства. В этом плане творческий человек всегда в кадре, в том числе в частной, семейной жизни.

Говоря о саморепрезентации, можно отметить, что реакция публики на художественные репрезентации находит отражение в последующих экранных саморепрезентациях, созданных на пересечениях и при взаимовлиянии книжной и экранной культур (кинокультуры, телекультуры и компьютерной культуры). Исследователи обратили внимание на проблему саморепрезентации творческой личности с позиций богатства и вариативности этих проявлений в интернет-среде [3].

Противопоставленность публичного и личного пространств друг другу, на которой настаивает, например, Х. Арендт [1], примиряет искусство, создавая третье, где личное и публичное встречаются не только пространственно, но и содержательно.

Публичное пространство экрана, социальные сети и т. п. становятся сценической площадкой, на которой разыгрываются постановки приватного театра.

Библиографический список

1. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни [Текст] / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. – СПб. : Алетей, 2000. – 437 с.

2. Грачев, В. И. Феномен социокультурной коммуникации в современной художественной культуре (информационно-аксиологический анализ) [Текст] : автореферат дис. ... д-ра культурологии / В. И. Грачев. – СПб., 2008. – 347 с.

3. Злотникова, Т. С., Слабая, А. С. Творческая личность в интернет-пространстве: самопрезентация и выстраивание границ [Текст] / Т. С. Злотникова, А. С. Слабая // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 184–188.

4. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М. : Искусство, 1991. – С. 218–260.

5. Сараскина, Л. Против течения: русские сериалы в состязании с Голливуд продакшн [Текст] / Л. Сараскина // Средства массовой коммуникации в эпоху глобализации. – Том 3. Парадоксы глобализации. – М. : ЛЕНАНД, 2008. – С. 86–122.

6. Шапинская, Е. Н. Дискурс любви: любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе [Текст] / Е. Н. Шапинская. – М. : Прометей, 1997. – 347 с.

7. Эккерман, И. Разговоры с Гете в последние годы его жизни [Текст] / И. Эккерман. – М. : Художественная литература, 1981. – 688 с.

Bibliograficheski spisok

1. Arendt, H. Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni [Tekst] / H. Arendt; per. s nem. i angl. V. V. Bibihina. – SPb. : Aleteja, 2000. – 437 s.

2. Grachev, V. I. Fenomen sociokul'turnoj komunikacii v sovremennoj hudozhestvennoj kul'ture (informacionno-aksiologicheskij analiz) [Tekst] : avtoreferat dis. ... d-ra kul'turologii / V. I. Grachev. – SPb., 2008. – 347 s.

3. Zlotnikova, T. S., Slabaja, A. S. Tvorcheskaja lichnost' v internet-prostranstve: samoprezentacija i vystrajvanie granic [Tekst] / T. S. Zlotnikova, A. S. Slabaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 184–188.

4. Ortega-i-Gasset, H. Degumanizacija iskusstva [Tekst] / H. Ortega-i-Gasset // Jestetika. Filosofija kul'tury. – M. : Iskusstvo, 1991. – S. 218–260.

5. Saraskina, L. Protiv techenija: russkie serialy v sostjazanii s Gollivud prodakshn [Tekst] / L. Saraskina // Sredstva massovoj kommunikacii v jepohu globalizacii. – Tom 3. Paradoksy globalizacii. – M. : LENAND, 2008. – S. 86–122.

6. Shapinskaja, E. N. Diskurs ljubvi: ljubov' kak social'noe otnoshenie i ee reprezentacija v literaturnom diskurse [Tekst] / E. N. Shapinskaja. – M. : Prometej, 1997. – 347 s.

7. Jekkerman, I. Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni [Tekst] / I. Jekkerman. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1981. – 688 s.